

Комнаты внутри нас

Комната страха

О жизни, которую мы
откладываем на потом

Шокун Алексей
Владимирович

Шокун Алексей

**Комната страха. О жизни, которую
мы откладываем на потом**

«Автор»

2026

Алексей Ш.

Комната страха. О жизни, которую мы откладываем на потом /
Ш. Алексей — «Автор», 2026

Страх не всегда заставляет бежать. Иногда он заставляет оставаться на месте. Проверять замки, откладывать поездки, не задавать важных вопросов и обходить стороной то, что могло бы изменить жизнь. В двенадцати историях этой книги обычные люди живут рядом со своими страхами — перемен, близости, потерь и неизвестности. В старом доме смотритель входит в комнату с фонарём. Он не прогоняет темноту и не обещает спасения: лишь оставляет достаточно света, чтобы увидеть привычное иначе. Это проза не о победе над страхом, а о том, что происходит, когда человек всё-таки открывает дверь. На отдельных этапах подготовки издания применялись интеллектуальные цифровые инструменты.

Содержание

Об этой книге	5
Как читать	6
Пролог	7
Дом, который проверял замки	8
Человек с двумя зонтами	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Шокун Алексей

Комната страха. О жизни, которую мы откладываем на потом

Серия «Комнаты Внутри Нас»
Шокун Алексей Владимирович

Об этой книге

Это художественная проза. Истории в этой книге не заменяют помощь врача или психотерапевта, не описывают диагнозов, не дают назначений и не обещают, что после них что-то пройдёт.

Если вы узнали себя в одной из историй — это не диагноз. Узнавание не доказывает ничего, кроме того, что вы человек и с вами бывает то же, что с другими людьми.

Если сейчас с вами происходит что-то, с чем трудно оставаться одному, — это не тот случай, когда нужна книга. Позвоните тому, кто может помочь: врачу, психотерапевту, близкому человеку. В остром состоянии читать про чужую боль бесполезно и иногда вредно.

Здесь двенадцать историй про людей, которые чего-то избегают. Ни один из них не исправляется. У всех в конце остаётся то же, с чем они начали, — меняется только освещение.

Истории длинные. Каждая — на вечер, а не на десять минут, и это сделано намеренно: к человеку, который чего-то боится, нельзя подойти быстро. Надо посидеть рядом, посмотреть, как он живёт, узнать, что было до того, как он начал бояться.

Все имена, улицы, заводы и переходы здесь выдуманы. Если вам кажется, что вы знаете кого-то из этих людей, — скорее всего, вы знаете нескольких сразу: привычки повторяются у разных людей почти слово в слово.

В книге нет плохих людей. Это не потому, что их не бывает, а потому, что не они здесь главные. Главное происходит с человеком, когда рядом никого нет.

Как читать

Одну историю за вечер. Больше не надо.

Порядок соблюдать не обязательно. Но если день был тяжёлый, не читайте подряд третью, четвёртую, пятую и шестую — они самые тёмные. Между ними лучше сделать перерыв или перейти сразу к девятой.

Десятую и двенадцатую можно читать в любой день. В них почти ничего не происходит, и это их главное свойство.

Истории не нужно понимать. В них нет скрытого смысла, который вы обязаны найти. Если после истории ничего не произошло — это нормальный результат: так бывает чаще всего.

Если история задела, закройте книгу. Не надо разбираться сегодня. Не надо ничего вспоминать специально — если вспомнится, оно вспомнится само, и уже не в книге.

Эту книгу можно читать вслух. Она так и написана — с расчётом на то, что её слышат.

И последнее. Эта книга не про то, как перестать бояться. Она про то, что происходит в комнате, когда в неё всё-таки заходят.

Пролог

Смотритель приходит в дом раз в неделю, по четвергам, и обходит комнаты.

Он не стучится: в доме никого нет, кроме него и того, что в комнатах осталось.

Дом стоит на краю улицы, последний перед полем. У него толстые стены, три двери и печь, которой давно не топят. Зимой в коридоре пахнет мокрой шерстью, летом — пылью и нагретым деревом. Кто в нём жил и когда выехал, смотритель не знает. Он знает только, что комнаты не пустуют.

В коридоре горят две лампы. Одна под потолком, вторая над зеркалом. Вторая перегорела давно, и он её не меняет: с одной виднее, где тени.

Он начинает с кухни. Там всегда теплее, чем в остальном доме, хотя плита не работает. На столе стоит чашка, и в чашке на дне бурый след. Он не моет её. Он обходит стол, смотрит на окно, на котором кто-то давно нарисовал пальцем солнце и не стёр, и идёт дальше.

Потом он заходит в комнату с книгами, где на полу лежит ковёр с загнутым углом, и в комнату с кроватью, где одеяло заправлено так, будто кто-то встал час назад.

В комнату страха он заходит последней.

Там холодно не потому, что холодно, а потому, что окно приоткрыто. Он не закрывает окно.

Он поднимает фонарь и стоит в дверях, пока не становится видно: комната меньше, чем кажется из коридора.

Фонарь у него старый, жестяной, с трещиной на стекле. Свет он даёт неровный, но другого нет.

Иногда в комнате кто-то есть. Не призрак и не чужой человек — кто-то, кто сидит на краю кровати и не спит. Смотритель не спрашивает, как его зовут. Он ставит фонарь на пол, между ними, и ждёт.

Ждать приходится по-разному. Иногда минуту. Иногда до темноты.

Потом он уходит и закрывает дверь неплотно. Так, чтобы осталась щель.

Это всё, что он делает. Он не утешает, не объясняет, не обещает, что к утру станет легче. Он приносит свет в комнату, где до него было темно, и уходит, потому что остальное делает не он.

В этой книге двенадцать историй. Все они происходят в одной комнате и в разное время. Читать их можно по порядку, можно с любой — комната от этого не меняется.

Свет в коридоре горит. Дверь приоткрыта.

Дом, который проверял замки

В доме было три двери: входная, задняя и та, что вела в сад. Ключ от всех трёх висел на гвозде у входа, на кожаном ремешке, который когда-то был коричневым. Гвоздь вбил дед, и вбил криво, и за шестьдесят лет шляпка ушла в стену почти до дерева. Ключ висел на нём так, как вешают на таких гвоздях: чуть боком, ремешком влево.

Он возвращался с работы в половине восьмого. Ужинал стоя у раковины, мыл чашку и ставил её на сушилку горлышком вниз.

Потом снимал ключ с гвоздя.

Входная дверь — два оборота. Задняя — два оборота и толчок ладонью, чтобы проверить, держит ли. Садовая — один, потому что замок там старый, с длинным язычком, и второй оборот заедает.

Он делал так каждый вечер, в одном и том же порядке, и заканчивал в коридоре, вешая ключ на место. Дом был старый: толстые стены, окна, которые приходилось подпира́ть палкой, и печь, которой он не пользовался. Дом строил дед, и строил его сам, и в стенах остались кирпичи, которые он клал рукой, а не мастерком, потому что мастерка у него не было.

Отец потом всё чинил: крыльцо, пол в коридоре, замок на задней двери. У отца была мастерская в сарае, и там пахло стружкой и машинным маслом, и на верстаке лежали инструменты в том порядке, в котором он их брал. Раньше здесь жили родители.

Потом отец умер, мать переехала к сестре в другой город, и дом остался ему — вместе с гвоздём в стене, который вбил ещё дед. Отец умер в марте, и на похороны пришло столько людей, что в доме не хватило стульев и соседи принесли свои. Тогда все три двери были открыты два дня. Люди входили и выходили, кто-то курил на крыльце, кто-то оставался ночевать на кухне.

Он не помнил, чтобы за эти два дня хоть раз подумал о замках. Помнил другое: как искали девятый стул, как тётя Валя мыла пол в коридоре без спроса и как кто-то поставил на подоконник банку с водой и в неё — три гвоздики. Помнил, что на кухне двое суток кто-то был, и чайник не остывал.

Помнил, что в последний вечер, когда все ушли, в доме остались следы: окурки в блюде, крошки, чей-то шарф на спинке стула, который потом никто не забрал. Он собрал тогда бутылки в ящик и вынес их в сад, к забору, и они стояли там до мая. И ещё помнил, что, когда все ушли, он впервые за два дня запер входную дверь и почувствовал не пустоту, а облегчение.

Мать уехала через год, в апреле. Она собрала два чемодана и оставила в шкафу всё остальное: посуду, постельное, отцовы рубашки, которые так и висели на плечиках.

— Тут темно, — сказала она на прощание. — Я не могу.

Он сказал: «Ладно». Он проводил её до автобуса и вернулся, и в доме было тихо так, что было слышно, как в трубе что-то щёлкает. В первый вечер он не запер ни одной двери. Ему было не до этого.

На второй вечер он запер входную. На третий — входную и заднюю. Садовую он запер через неделю, и не помнил, почему именно тогда.

Он жил здесь один шестой год. Работал в типографии, за машиной, которая пахла краской и горячим металлом. Домой приходил с тёмными пальцами, и отмыть их до конца не получалось.

На работе было шумно, дома — тихо, и тишина ему нравилась. Раз в месяц у него была ночная смена, и он любил её больше дневной. Ночью машин меньше, людей почти нет, и в цеху горит только половина ламп. Гул от этого кажется ближе, и слышно, как в дальнем конце кто-то кашляет.

В ночную он брал с собой термос и два бутерброда и ел их в половине третьего, стоя у окна, за которым был двор с мусорным контейнером и фонарём. Один раз, года три назад, у них сорвало подачу и машина встала. Мастер ушёл звонить, все сели на ящики, и Сергей стал рассказывать, как в армии их водили в баню по субботам и как один парень мыл голову зубной пастой, потому что мыла не было.

Он слушал и смеялся вместе со всеми, и это было хорошо. А потом машину починили, все встали, и он вернулся к своему третьему блоку, и внутри у него что-то выдохнуло. Он тогда подумал, что на работе ему спокойно именно потому, что здесь всё понятно: лист идёт ровно — хорошо, идёт вкось — плохо, и ничего больше.

Дома было не так. Дома ничего не шло вкось, и от этого было хуже.

В смену он стоял у третьего блока и следил, чтобы листы не уходили вкось.

Сергей, который работал с ним вторую зиму, всё время что-то рассказывал: про рыбалку, про тещу, про то, что в городе опять подорожал бензин. Он слушал и кивал, а руки делали своё.

— Ты в отпуск когда? — спросил Сергей в пятницу.

— Не знаю.

— У тебя с прошлого года двенадцать дней висят. Возьми.

— Возьму.

Он не взял. Двенадцать дней висели с прошлого года, и в бухгалтерии ему дважды говорили, что их надо либо отгулять, либо сжечь.

— Съезди куда-нибудь, — сказал Сергей. — У меня свояк в Крыму держит комнату, я договорюсь.

— Мне дома надо.

— Что дома надо?

Он не смог ответить. Дома надо было подпереть окно в комнате с книгами, подкрасить крыльцо и разобрать отцовы инструменты, до которых он не доходил шесть лет. Всё это можно было сделать и в субботу.

— Ну, как хочешь, — сказал Сергей и больше не спрашивал.

Через неделю он принёс на работу фотографии: море, гора, жена в шляпе. Он посмотрел, сказал «хорошо» и вернул фотографии.

Ночью он лежал и думал, что море он видел дважды: в детстве, когда его возили к тётке, и в армии, и оба раза плохо помнил.

Утром он опять пошёл на работу, и это было легче, чем думать про море. Дома он тоже не отдыхал: отдых у него получался только во сне, а до сна надо было ещё дожить. Нина работала в переплётном, в соседнем цеху, и пришла к ним один раз — попросить обрезки.

Ей было сорок, она была крупная и громкая и смеялась так, что было слышно через две стены. Она принесла ему чай в стеклянном стакане с подстаканником, поставила на угол стола и сказала: «Пей, а то уснёшь». Он сказал спасибо и выпил.

Через неделю она пришла опять, и через месяц они стали ходить обедать вместе, и в столовой она садилась напротив и рассказывала про свою мать, которая живёт в районе и всё время звонит. В апреле она спросила, можно ли посмотреть его дом. Он сказал: «Можно».

Она приехала в субботу, в куртке, с сумкой, в которой были пирожки, и ходила по комнатам, и говорила, что дом хороший и что обои тут ещё крепкие. Потом они сидели на кухне, и она рассказывала про своего бывшего мужа, и он слушал. И в середине разговора встал и пошёл в коридор.

Он не думал об этом. Встал и пошёл, потому что ему показалось, что задняя дверь не заперта. Он повернул ключ два раза, толкнул ладонью, вернулся.

Нина сидела и смотрела на него.

— Ты сейчас ходил куда?

— Проверить.

— Что проверить?

— Дверь.

Она помолчала.

— Она была открыта?

— Нет.

Она ещё помолчала, потом встала и стала собирать пирожки обратно в сумку, аккуратно, чтобы не помять.

— Ты не сердись, — сказала она. — Я пойду.

Он сказал: «Ладно». Он проводил её до калитки и вернулся, и в доме было тихо, и он подумал, что надо было сказать что-то другое, но не знал, что именно. Она ещё здоровалась с ним на работе, и один раз они опять обедали вместе, и всё было как раньше, только она больше не спрашивала про дом.

Осенью она перешла в другой цех, а через год уволилась. Он узнал об этом от Сергея и сказал: «А».

В субботу он вышел в сад.

В середине зимы он заметил, что не помнит, как выглядит сад в темноте. Он смотрел на дверь, а не на сад. Каждый вечер он подходил к садовой двери, поворачивал ключ и уходил, и за шесть лет ни разу не открыл её в темноте.

Днём в саду не было ничего особенного. Стол, вкопанный в землю ещё при отце. Качели, с которых сняли сиденье. Сугроб у забора, в котором угадывалась крышка.

Он постоял там минут десять, в куртке поверх домашнего, и вернулся в дом. В саду было холодно и пусто, и он подумал, что зря не выходит сюда так долго.

Потом закрыл дверь и повернул ключ один раз.

Летом сад был другой, и он это знал, но проверял. В июне там всё зарастало: трава по колено, у забора — борщевик, который отец вырубал каждое лето и который всё равно возвращался. Стол был зелёный от времени, и на нём стояли следы от стаканов, въевшиеся в доски.

Он один раз сел за этот стол, в июле, с кружкой чая. Просидел минуты четыре и пошёл в дом, потому что с этого места было видно калитку, а калитка была не заперта. Он запер калитку на щеколду и вернулся на крыльцо, и пить чай уже расхотелось.

Крыша над сараем текла с позапрошлой весны. Он знал, где течёт, и дважды лазил с ведром рубероида, и дважды откладывал, потому что нужен был помощник, а просить он не умел. Вода шла по стене сарая и оставляла рыжий след, и след с каждым годом становился длиннее.

В сарае на гвозде висел отцов фартук, и в кармане фартука лежал сложенный вчетверо листок — список, что купить в магазине. Там было восемь пунктов, и половину он не разобрал, потому что почерк был быстрый. Он прочитал список дважды и повесил фартук на место.

Инструменты он так и не разобрал. Они лежали в том порядке, в котором их оставил отец, и он боялся, что если тронет, то не вспомнит, где что было. Один раз он взял отцовскую стамеску, чтобы подтесать дверь в комнате с книгами, и работал ею полдня, и она была удобнее его собственной.

Он потом положил её точно на то место, где она лежала, и вытер ручку тряпкой, чтобы не осталось следов. Тогда он попробовал начать с садовой. Дошёл до неё, повернул ключ, и на заднюю уже не пошёл.

Стоял посреди коридора, держал ключ в руке и слушал, как наверху тикают часы. Часы отставали на семь минут, и он всё собирался их поправить. Он стоял так, наверное, минуты две.

Потом вернулся и проверил всё в обычном порядке: входная, задняя, садовая. С той ночи он стал проверять дважды. Первый раз — сразу, второй — перед сном, уже в пижаме, босиком по холодному полу.

Второй раз занимал меньше минуты, но без него он не засыпал. Иногда он просыпался через час от того, что не помнил, заперта ли задняя. Тогда он шёл вниз и проверял. Задняя всегда была заперта. Он возвращался и лежал с открытыми глазами, пока за окном не становилось серо.

Часы в коридоре он так и не поправил. Они отставали на семь минут, и вечер у него начинался в семь минут восьмого, а заканчивался в семь минут двенадцатого.

В конце февраля он попробовал оставить садовую дверь незапертой.

Специально: повернул ключ, потом повернул обратно, положил ключ на полку и пошёл наверх. Он пролежал двадцать минут. За это время он дважды вспомнил, как выглядит язычок замка, если его не повернуть. Язычок был длинный, с косым срезом, и в темноте он представлялся отчётливее, чем стена перед глазами.

Потом спустился, запер дверь и вернулся в постель. В марте он решил поправить часы. Они отставали на семь минут, и он думал об этом каждый вечер, когда проходил под ними.

Он снял их со стены, положил на стол, отвинтил заднюю крышку и увидел внутри пыль, паутину и маленький рычажок, которого не понял. Он подержал отвёртку, посмотрел на рычажок, потом завинтил крышку обратно и повесил часы на место. Он не сдвинул их ни на одну минуту, ни вперёд, ни назад.

С тех пор он думал о них реже. Ремешок на ключе был от дедовой сумки, и дед носил на нём ключ от склада, где работал сторожем. Об этом ему рассказывал отец, и рассказывал дважды, одними и теми же словами, и оба раза в коридоре, при свете.

Он не помнил, зачем деду был нужен склад и что там лежало. Он помнил только, что ремешок был коричневый и что дед его не выбрасывал, даже когда он стал совсем тёмным. Ключ от трёх дверей висел на нём тридцать лет, и ремешок за это время стал мягким, как тряпка.

Он иногда брал ремешок в руки и мял его пальцами, пока думал. Он не ругал себя. Было другое — как будто он сходил куда-то и вернулся ни с чем.

Потом добавились окна. Их было пять: два в кухне, два в комнате с книгами, одно на лестнице. Он проверял, задвинуты ли шпингалеты, и на лестничном окне шпингалет был сло-ман, и он каждый вечер прижимал створку ладонью и слушал, щёлкнет ли.

Она не щёлкала. Он всё равно прижимал.

В январе, в ветреную ночь, ему показалось, что в саду горит свет.

Он лежал и смотрел, как за занавеской что-то двигается, и это было не качание ветки, а именно свет: слабый, ровный, где-то у забора. Он встал, надел куртку поверх пижамы, взял в коридоре кочергу и вышел. Свет был от фонаря на соседней улице, который качало ветром, и он то открывался, то закрывался за ветками.

Он постоял в саду, держа кочергу, минуты три. Снег был сухой и скрипел, и его собственные следы были единственными. Он вернулся, поставил кочергу на место и запер садовую дверь — уже второй раз за вечер.

Собака у соседей лаяла почти каждую ночь, и он к этому привык. Она начинала в разное время: иногда в полночь, иногда в три, и лаяла ровно, с одинаковыми промежутками, будто на что-то отвечала. Он лежал и слушал, и по лаю определял, сколько прошло времени: если она замолкала, значит, ближе к утру.

Один раз он вышел на крыльцо в четыре часа, когда она особенно надрывалась, и увидел, что она лает на пустой двор. Собака посмотрела на него, перестала лаять и ушла в будку. Он постоял ещё немного и вернулся в дом, и в ту ночь больше не засыпал.

Потом сел на пуф в прихожей и сидел, пока не замёрзли руки. В феврале в дверь посту-чали в девять вечера. Он как раз кончил проверять и стоял в коридоре.

За дверью стоял мальчик из соседнего дома, в куртке нараспашку, и держал в руке вело-сипедный звонок.

— У вас отвёртка есть? — спросил он. — У меня колесо. То есть не колесо. Звонок.
— Есть, — сказал он.

Отвёртка лежала в ящике под раковиной, среди пробок, старых батареек и одной лампочки. Он нашёл её, отдал мальчику и подождал, пока тот не скажет «спасибо». Мальчик не уходил.

Он переступал с ноги на ногу и смотрел на ключ, который висел на гвозде.

— А вы чего двери проверяете? — спросил он. — Я вижу, вы каждый вечер ходите.

— Проверяю.

— А они открытые?

— Нет.

— А зачем тогда?

Он не нашёл, что ответить. Мальчик подождал, потом убежал через двор, прижимая отвёртку к груди.

На следующий день пришла его мать — вернуть отвёртку и извиниться, что сын ходит по вечерам.

Она стояла в дверях и держала отвёртку двумя руками, как держат чужое.

— Он у нас спрашивает всё подряд, — сказала она. — Вы не сердитесь.

— Не сержусь.

— У вас собака не лаяла? Наша всю ночь лаяла, я думала, может, у вас кто-то ходит.

— У меня нет собаки.

— А, — сказала она. — Ну, значит, ветер.

Она ушла. Он закрыл дверь и постоял в коридоре, глядя на ключ.

В апреле мальчик пришёл опять.

Он стоял на крыльце с велосипедом и держал руль двумя руками.

— Звонок работает, — сказал он. — Хотите послушать?

Он нажал на звонок, и тот издал короткий дребезжащий звук.

— Хорошо, — сказал он.

— А я теперь другой поставлю, — сказал мальчик. — Этот слабый.

Он подождал, не скажет ли взрослый ещё чего-нибудь, и, не дождавшись, уехал. Он стоял на крыльце, пока мальчик не свернул за угол, и потом закрыл дверь. Мать звонила по воскресеньям, в шесть.

Она рассказывала про сестру, про её мужа, про то, что в магазине у них дорого, и спрашивала, как дела. Он говорил: «Нормально». Она говорила: «Ты бы приехал».

Он говорил: «Приеду». Он не приезжал четыре года.

Однажды она сказала в трубку:

— Ты там один в этом доме. Я про него думаю и не сплю.

Он сказал:

— Всё заперто.

Она помолчала и сказала:

— Вот этого я и боюсь.

Он не понял тогда, что она имеет в виду, и не спросил. Разговор кончился, как всегда, на том, что она велела ему есть горячее. Отец запирает только входную.

Заднюю и садовую оставлял как есть и говорил, что в сад никто не полезет, потому что там нечего брать. Он вспомнил об этом впервые за шесть лет. И подумал, что не знает, когда начал запираť все три. Помнил только, что это было не сразу.

Ночью он не спал. Лежал и слушал дом: как остывает батарея, как в трубе что-то щёлкает через каждые сорок минут, как на чердаке ходит ветер.

Во дворе залаяла собака и замолчала, будто её позвали.

В час он встал и спустился. Лампа над зеркалом горела, пальто висело, ключ висел. Он сел на нижнюю ступеньку и стал смотреть на двери.

Их было три. Все три были заперты — он знал это, потому что запирали их сам, четыре часа назад, в том же порядке. Он сидел и считал: входная, задняя, садовая. Входная, задняя, садовая.

На седьмом разе ему стало смешно — не весело, а криво, будто он увидел себя со стороны: взрослый человек в пижаме считает двери, как в детстве считают ступеньки в темноте, чтобы подъём кончился раньше. Он попробовал представить, что все три двери открыты. Ничего не случилось.

В коридоре было тихо, лампа горела, пальто висело на крючке.

Потом он попробовал представить, что все три заперты, а он не проверил. И вот это было хуже. Он встал, подошёл к гвоздю и снял ключ с ремешка.

Подержал в руке — тёплый, потому что весь вечер висел у батареи. Положил в миску у входа, где лежали мелочь и чек из магазина.

Потом поднялся наверх и лёг.

В кухне осталась невытая чашка. Он вспомнил о ней уже в постели и не пошёл вниз: впервые за шесть лет чашка осталась на столе до утра.

Утром он проснулся позже обычного.

В доме было светло, из сада шёл пар: снег таял второй день подряд. Он спустился, посмотрел на миску. Ключ лежал там, где он его оставил.

Все три двери были заперты — он запер их днём, как всегда, и всю ночь об этом не помнил. Он взял ключ, повесил его на гвоздь и поставил чайник. За окном капало с крыши, и в саду был виден след — чей-то, не его.

Он вышел на крыльцо. След шёл от калитки к столу и обратно, большой, с чёткими краями, уже подтаявший по кромке. Он постоял над ним, вернулся в дом и закрыл дверь.

Рука сама пошла к замку и остановилась на половине оборота. Он постоял, держась за ручку, и пошёл на кухню. Там он поставил чайник второй раз за утро и сел за стол.

За окном было белое и чёрное: снег, мокрая земля и вода, которая срывалась с крыши и падала ровно, через одинаковые промежутки. К вечеру след стает. Он это знал и всё равно смотрел на него из окна, пока пил чай.

Днём он сходил в сад ещё раз и посмотрел, куда след идёт. Он шёл от калитки к столу, стоял у стола и возвращался к калитке. Человек постоял у стола. Не у двери, не у окна — у стола.

Он подумал, что если бы кто-то хотел войти, он бы подошёл к двери, и что если бы кто-то хотел взять, он бы пошёл к сараю, где лежали инструменты. Никто не подошёл ни к двери, ни к сараю.

Вечером он вышел и посыпал дорожку золой из печи, чтобы утром увидеть, есть ли следы ещё раз.

Утром следов не было. Он посыпал ещё раз, и ещё, и делал так всю неделю, и следов больше не появлялось.

В четверг он перестал посыпать.

В апреле он купил в хозяйственном новый шпингалет для лестничного окна. Шпингалет был латунный, тяжёлый, с язычком, который щёлкал, если его повернуть. Он принёс его домой в бумажном пакете, положил на кухонный стол и посмотрел. Шпингалет стоил дорого, и он потом три дня проверял, не переплатил ли.

Потом убрал в ящик под раковиной, к пробкам и старым батарейкам. Он лежал там всё лето.

В августе, разбирая ящик, он нашёл его, подержал в руке и положил обратно.

Ящик он закрыл коленом, как всегда, потому что он всегда закрывался туго, и пошёл наверх. Окно на лестнице он по-прежнему прижимал ладонью. Ключ остался на гвозде. Днём он его больше не снимал.

Человек с двумя зонтами

В её сумке лежали два зонта. Чёрный, с деревянной ручкой и одной погнутой спицей, стоял у выхода из квартиры в жестяной банке из-под печенья. Синий, складной, в чехле на молнии, лежал в сумке между книгой и кошельком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.